

Сила вещей все болѣе и болѣе обнаруживаетъ внутреннее противорѣчіе, которое содержится въ этомъ ученіи.

Непротивленіе злу, или, точнѣе, злему, можетъ дѣйствительно составлять требованіе высшей нравственности; но только тогда, когда непротивляющимся является то самое лицо, противъ котораго это зло направлено.

Непротивленіе же тому злу, которое при мнѣ причиняютъ другому, когда я имѣю возможность помѣшать этому, не только не есть требованіе нравственности, но, наоборотъ, прямо противорѣчитъ ей.

Вотъ почему такое ученіе не можетъ привлечь къ себѣ ни людей религіозныхъ, ни атеистовъ, ни консерваторовъ, ни либераловъ, ни людей порядка, ни анархистовъ; каковы бы ни были религіозныя, нравственныя или политическія убѣжденія человѣка, онъ не можетъ не стараться содѣйствовать тому, что для него является благомъ и не бороться съ тѣмъ, что ему кажется зломъ. Этому не отрицаетъ, впрочемъ, и гр. Толстой, и даже жалуется, что его умышленно не поняли въ этомъ отношеніи.

„Я говорилъ“, замѣчаетъ онъ, „что, по ученію Христа, зло не можетъ быть искоренено зломъ, что всякое противленіе злу насиліемъ только увеличиваетъ зло, что, по ученію Христа, зло искореняется добромъ; „благословите проклинающихъ васъ, молитесь за обижающихъ васъ, любите враговъ вашихъ и